

Штернберг Лев Яковлевич

Гиляки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л34

Л34 **Лев Яковлевич Ш.**
Гиляки / Штернберг Лев Яковлевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 135 с.

ISBN 978-5-521-31672-4

ISBN 978-5-521-31672-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Г и л я к и ¹⁾.

(Изъ сообщеній въ Географическомъ Обществѣ въ 1900—1 гг.).

I.

Территорія. — Изолированность въ лингвистическомъ отношеніи. — Происхожденіе.

Маленькое племя гиляковъ, численность котораго въ настоящее время не превышаетъ 4¹/₂ тыс. душъ, разбросано на огромной территоріи всей сѣверной половины острова Сахалина и соседняго материковаго побережья, почти равномерно распре-
дѣляясь между этими обоими районами.

На Сахалинѣ они занимаютъ всю береговую линію западнаго берега отъ м. Сахъ-Котанъ до сѣверной оконечности, м. Маріи, затѣмъ на восточномъ берегу — отъ м. Левенштерна до м. Де-лал-Кройера, наконецъ, внутри острова они занимаютъ верхнее и среднее теченіе единственной значительной рѣки Сѣв. Сахалина, р. Тымн.

На югѣ Сахалина, въ низовьяхъ р. Пороная и по берегамъ залива Терпѣшя, среди чужеплеменныхъ имъ айновъ и ороковъ затерялось нѣсколько десятковъ представителей гиляцкаго племени, которые оченъ недавно только (за послѣдніе 30 лѣтъ) по случайнымъ причинамъ переселились въ чуждую имъ территорію.

На материкѣ гиляки занимаютъ оба берега низовьевъ Амура вплоть до сел. Герн, затѣмъ берега амурскаго лимана и морского побережья: къ сѣверу отъ устья Амура до р. Коль, а къ югу отъ него до рѣки Чомы. Самой сѣверной границей распро-

¹⁾ Авторъ, предполагая со временемъ издать свои изслѣдованія о гилякахъ въ видѣ отдѣльной, обстоятельной монографіи, надѣется, что и въ этомъ краткомъ очеркѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія представятъ интересъ для интересующихся этнографіей. Л. III.

страненія гиляковъ можетъ считаться устье Тугура, куда, впрочемъ, только крайне рѣдко гиляки отправляются на промыслы, не имѣя тамъ постоянного жительства.

Судя по тѣмъ немногимъ историческимъ даннымъ, которыя имѣются объ Амурскомъ краѣ, границы гиляцкой осѣдлости остались неизмѣнными втеченіе послѣднихъ 2½ вѣковъ.

Наибольшая густота населенія обнаруживается въ районахъ наиболѣе обильныхъ рыбой, каковы: берега Амура и его лимана (селенія: Коль (196 чел.), Лянгръ (205), Вайды (184), Маго (154) и др.), на западномъ берегу Сахалина пункты: Тамла-во, Лырк-ры-во (144 ч.), Вискво (116), Ныуръ (103), Няни-во, и на Охотскомъ берегу: сел. Чай-во, Шый-во и др.

Границы гиляцкой территоріи въ высшей степени характерны. Стоитъ только взглянуть на этнографическую карту Пріамурскаго края, чтобы убѣдиться, что крошечное племя гиляковъ окружено со всѣхъ сторонъ сплошнымъ кольцомъ чуждыхъ ему народностей. На Сахалинѣ съ юга налегаютъ на него айны, племя нѣкогда столь многочисленное, что занимало весь японскій архипелагъ. На материкѣ со всѣхъ сторонъ понадвинулись къ нему представители великаго маньчжурскаго племени, тунгусскія народности: негда, ольчи (по моей терминологіи—амурскіе нанни), гольды, орочи, самогиры, собственно тунгусы. И даже въ самомъ сердцѣ гиляцкой осѣдлости, на восточномъ берегу Сахалина врѣзалось густой массой тунгусское племя ороковъ (по моей терминологіи—сахалинскіе нанни).

Естественнѣе всего напрашивается мысль о племенномъ родствѣ гиляковъ либо съ айнами, либо съ ихъ тунгусскими сосѣдями. Паружное сходство въ значительной степени какъ будто подтверждаетъ эту мысль. Но мы увидимъ далѣе, что фیزیономическая близость этихъ племенъ ничего общаго не имѣетъ съ единствомъ ихъ происхожденія, между тѣмъ самый важный и б. м. единственный признакъ племенной общности, языкъ, даетъ въ данномъ случаѣ категорическое отрицательное показаніе. Языкъ гиляковъ не имѣетъ ничего общаго ни по своему лексикону и фонетикѣ, ни по грамматическому строю съ языками сосѣднихъ племенъ; да и на всемъ материкѣ Азіи мы не знаемъ пока ни одного языка, который могъ-бы претендовать на близость его съ гиляцкимъ.

Не одни гиляки находятся въ такомъ изолированномъ положеніи на сѣверо-востокѣ Азіи. Въ такомъ же положеніи находятся айны, юкагиры, чукчи, коряки. Ихъ даже пытались соединить въ одну общую группу палеазіатовъ (Шренкъ), но основаніе этой классификаціи—чисто внѣшняго характера, а именно: общее ихъ окраинное положеніе и вытекающая отсюда вѣроятность того, что эти нѣкогда многочисленные народы съ теченіемъ времени были частью истреблены, частью вытѣснены новѣйшими пришельцами изъ внутреннихъ частей материка на окраины Азіи. Но не вся надежда потеряна къ отысканію генетической близости между гиляками и другими племенами. Уже давно высказывались гипотезы объ общности происхожденія народностей тихо-океанскаго побережья Азіи съ племенами С.-Америки. Мои собственныя изслѣдованія языка гиляковъ убѣдили меня, что эта гипотеза можетъ найти въ концѣ концовъ полное подтвержденіе. Не говоря уже о близости въ *общемъ строѣ* языковъ гиляцкаго и многихъ американскихъ, каковы слияніе мѣстоименій съ глаголами и именами, тенденція къ полисинтетизму, крайняя подвижность фонетическихъ измѣненій, типы удвоеній и т. д. и т. д., мы можемъ указать на такія сближенія въ частностяхъ, которыя чрезвычайно характерны. Такова, напр., общая имъ всѣмъ въ высшей степени своеобразная классовая система числительныхъ, по которой отдѣльные классы предметовъ комбинируются исключительно съ имъ однимъ только свойственными числительными, система, не имѣющая себѣ ничего подобнаго, насколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изъ языковъ азіатскаго материка. ...Но все это задача будущаго, быть можетъ, очень близкаго.

Пока же не выясненъ даже еще вопросъ болѣе легкій, вопросъ о древности позицій, занимаемыхъ въ настоящее время гиляками. Единственный до настоящаго времени авторитетъ въ этнологіи инородцевъ Пріамурскаго края, покойный академикъ Шренкъ, на основаніи трехъ заимствованныхъ гиляками у тунгусскихъ племенъ названій звѣрей, (лося, козули и барсука), водящихся въ низовьяхъ Амура и отсутствующихъ на Сахалинѣ, утверждалъ, что первоначальной родиной гиляковъ былъ о. Сахалинъ и что, во всякомъ случаѣ, нынѣшніе материковые гиляки являются потомками переселенцевъ съ Сахалина. Мнѣніе его основано на чи-

стомъ недоразумѣніи. Упомянутые три вида животныхъ въ дѣйствительности крайне рѣдко встрѣчаются въ территоріи гиляковъ на Амурѣ и, наоборотъ, очень часто въ территоріи ихъ тунгусскихъ сосѣдей: гольдовъ, ольчей, орочей, самогировъ, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тунгусскія названія получили распространеніе у гиляковъ, но если даже, быть можетъ, во времена Шренка упомянутыя животныя нѣсколько чаще попадались тамъ, то это могло быть только дѣломъ простой случайности. Часто бываетъ, что экстраординарныя причины, вроде появленія новаго сильнаго врага, заставляютъ тѣхъ или иныхъ животныхъ спасаться бѣгствомъ въ отдаленныя отъ обычной ихъ территоріи мѣста; но такія явленія не доказываютъ еще, что новая территорія, на которой появились случайно эти животныя, была исконнымъ ихъ мѣстожителемъ. А насколько, вообще, заключеніе Шренка убѣдительно, можно видѣть изъ того, что тигръ совсѣмъ не водится на Сахалинѣ и очень рѣдко заходитъ въ территорію гиляковъ на Амурѣ, и тѣмъ не менѣе гиляки, какъ сахалинскіе, такъ и амурскіе, имѣютъ для него свое собственное названіе „клунд“.

Все, наоборотъ, говоритъ за то, что на Сахалинѣ именно гиляки являются пришельцами, смѣнившими или вытѣсненными своихъ ближайшихъ предшественниковъ—айновъ. Начнемъ съ лингвистическихъ данныхъ. До сихъ поръ гиляки называютъ деревья и нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ, отсутствующихъ на материкѣ, айскими терминами, каковы *нистанъ* (кленъ), *тарманъ* (тиссъ), *нугу-чепъ* (морская свинка?) и другія. Далѣе, мы имѣемъ еще болѣе объективныя доказательства тому, что во всякомъ случаѣ не гиляки были древнѣйшими аборигенами острова. По всей территоріи гиляцкой осѣдлости на о. Сахалинѣ вплоть до сѣверныхъ оконечностей его встрѣчаются остатки древнихъ землянокъ въ видѣ круглыхъ, болѣе или менѣе обширныхъ ямъ, при раскопкѣ которыхъ я находилъ черепки горшковъ и орудія каменнаго вѣка. Эти ямки гиляки называютъ не иначе, какъ *кугит-улькч* (айскія ямки), названіе, довольно ясно указывающее на то, что первоначальными обитателями гиляки считают айновъ. Находимыя въ этихъ ямкахъ орудія каменнаго вѣка и черепки гиляки принимаютъ за произведенія рукъ боговъ (черепки горшковъ, напр., считаются ими горшками небеснаго человѣка,

случайно уронившаго ихъ), между тѣмъ какъ извѣстно, что каменный вѣкъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіи не настолько отдаленъ отъ современной эпохи, чтобы гиляки, не будь они позднѣйшими пришельцами, не сохранили объ этомъ періодѣ самостоятельныхъ традицій. Интересно, что и айны, въ свою очередь, упорно отрекаются отъ этихъ древнихъ ямокъ, находимыхъ и на ихъ собственной территоріи на южномъ Сахалинѣ, приписывая ихъ другому народу, мифическимъ то нъ ч а мъ. Черепки горшковъ, находимые въ этихъ землянкахъ, они, подобно гилякамъ, считаютъ чѣмъ-то божественнымъ и отличнымъ лѣкарствомъ, напримеръ, отъ зубной боли. Въ дѣйствительности, эти ямки едва-ли могли принадлежать айнамъ или гилякамъ, потому что, еслибы и тѣ, и другіе нѣкогда были знакомы съ гончарнымъ искусствомъ, то они никогда и не потеряли бы его. Зная они когда-либо это искусство, оно отразилось-бы въ ихъ преданіяхъ, сохранившихъ еще болѣе древнее воспоминаніе о примитивномъ способѣ кипяченія воды посредствомъ раскаленныхъ камней.

По самой формѣ своей, по крупности размѣровъ, по необычному расположенію и приспособленности для самозащиты, эти ямки скорѣе напоминаютъ большія ямки эскимосовъ, чѣмъ современные землянки гиляковъ и айновъ. Какъ бы тамъ ни было, гиляки, заставъ на Сахалинѣ айновъ, естественно должны были предположить, что эти древнія ямки принадлежатъ айнамъ, и гилякій терминъ кугі-тулькч (айнскія ямки) съ достаточной убѣдительностью говоритъ за то, что не гиляки были аборигенами Сахалина.

Эти объективныя данныя о первобытныхъ обитателяхъ острова подтверждаются многочисленными легендами о кровавыхъ войнахъ пришельцевъ съ айнами, которыхъ, по образному выраженію гиляковъ, въ моментъ появленія послѣднихъ на островѣ, даже на Охотскомъ берегу, „какъ комаровъ“ много было.

Наконецъ, многіе роды гиляковъ на самомъ далекомъ сѣверѣ считаютъ своими предками айновъ, о которыхъ у нихъ сохранились самыя яркія и многочисленные преданія, мною тщательно записанныя.

Итакъ, безспорно, что на Сахалинѣ гиляки являются сравнительно поздними пришельцами. Но есть много основаній думать, что и территорія, занимаемая нынѣ гиляками *на материкѣ*,

не может считаться особенно древней, что, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, въ нынѣшнюю территорію свою гилаки явились изъ болѣе сѣверныхъ странъ, болѣе близкихъ къ арктической полосѣ. Дѣйствительно, нѣкоторыя особенности гилацкаго быта представляютъ яркое переживаніе періода пребыванія подъ болѣе холоднымъ небомъ. Самымъ типичнымъ доказательствомъ этого рода является переживаніе, касающееся ихъ зимняго жилища—землянки. Гилацкая землянка устроена по пути камчадалской. Но въ то время какъ въ камчадалской юртѣ, въ виду суровости арктической зимы, двери не имѣется, и роль послѣдней играетъ дымовое отверстіе, у гилаковъ, благодаря сравнительно меньшей суровости зимы, землянка имѣетъ уже сѣни, изъ которыхъ низкая выдвижная дверь ведетъ въ юрту.

Между тѣмъ бываетъ моментъ, когда дымовое отверстіе въ гилацкой юртѣ вновь играетъ роль двери, какъ у камчадаловъ. Это именно въ дни медвѣжьяго праздника, когда оживаютъ изъ тьмы тысячелѣтій отдаленнѣйшіе отголоски глубочайшей древности, когда съ благоговѣйной строгостью соблюдается ритуаль, не измѣнившійся въ теченіе десятковъ вѣковъ. Тогда возрождается воспоминаніе о дымовомъ отверстіи, служившемъ нѣкогда единственнымъ входомъ въ юрту: *черезъ это отверстіе*, по специально для этого случая вставляемому шесту, спускается гилакъ со шкурой и мясомъ убитаго на праздникъ медвѣдя. Черезъ дымовое же отверстіе, по окончаніи праздника, всѣ ритуальныя принадлежности, равно какъ и кости медвѣдя, выносятся изъ юрты. Нарушеніе этого обряда считается величайшимъ грѣхомъ. Тѣ гилаки, которые переняли маньчжурскую юрту, гдѣ дымового отверстія вовсе нѣтъ, выпущены въ дни празднества, несмотря на февральскую стужу, отрывать свои окна изъ рыбьей кожи, чтобы этимъ экстраординарнымъ путемъ внести и вынести священные реликвіи и этимъ хоть приблизительно исполнить древній обрядъ. Что указанный нами фактъ есть дѣйствительное *бытовое переживаніе*, ярко доказывается тѣмъ, что самыя понятія „входить“ и „выходить“ изъ юрты выражаются по гилацки словами, буквально означающими „вырнуть“ и „вывырнуть“ (кузінд и југынд), что вполне соответствуетъ способу входа и выхода черезъ дымовое отверстіе.

О другихъ сторонахъ арктическаго быта я сейчасъ распро-

страняться не буду. Упомяну только о томъ замѣчательномъ фактѣ, что Ёзда на собакахъ (ее мы встрѣчаемъ у юкагировъ, чукчей, эскимосовъ, алеутовъ, коряковъ, камчадаловъ), — безспорно характерная особенность чисто арктическаго быта, — у инородцевъ Пріамурскаго края, айновъ, гольдовъ, орочей, заимствована отъ гиляковъ. Гиляцкій терминъ „ту“ — нарты сталъ достояніемъ какъ айновъ, такъ и тунгусскихъ племенъ. Приоритетъ, такъ сказать, гиляковъ въ этомъ отношеніи ярко обнаруживается во всемъ. Айны и тунгусскія племена (гольды, орочи) переняли отъ гиляковъ не только терминъ и принципъ передвиженія на собакахъ, но и детали устройства нартъ, способы сидѣнія на нартахъ (верхомъ, съ ногами на лыжахъ по сторонамъ нартъ), запряжки собакъ и управленія ими. Замѣчательно, что у чукчей оленныхъ, у которыхъ собаководство сохранилось только въ преданіяхъ, до сихъ поръ сохранился гиляцкій способъ сидѣнія на нартахъ (верхомъ). Этотъ же способъ сидѣнія былъ въ обыкновеніи и у камчадаловъ.

Въ связи съ этой гипотезой интересно сопоставить слѣдующее, весьма распространенное преданіе.

Среди многочисленныхъ преданій, собранныхъ мною о происхожденіи гиляцкихъ родовъ, многократно встрѣчалось преданіе о томъ, что тотъ или иной родъ явился на Сахалинѣ на такъ называемомъ „новыхъ“. Подъ „новыхъ“омъ же гиляки подразумеваютъ все, несущееся по теченію рѣки или моря, главнымъ образомъ оторвавшіеся отъ берега глыбы суши или тундреннаго торфа, также льдины, несущіяся по теченію морскому. Одинакъ изъ такихъ новыхъовъ еще и теперь показываютъ на восточномъ берегу Сахалина въ заливѣ Ный-во, гдѣ онъ образовалъ крошечный островокъ противъ с. Тахр-во. На этомъ новыхъѣ явилась будто бы часть рода, понынѣ живущаго въ с. Тангахъ на западномъ берегу. Передвиженіе на новыхъѣ не представляетъ ничего невозможнаго. Перѣдко случается, что во время весенней охоты на тюленей, внезапно поднявшійся ураганъ раздѣляетъ сомкнувшіяся льдины и уноситъ отдѣльныя глыбы вмѣстѣ съ застигнутыми на нихъ промысловниками въ открытое море, выбрасывая ихъ часто на берегъ, далеко отъ мѣста ихъ жительства. Перѣдко также можно видѣть несущимися по морскимъ волнамъ оторванныя штормами отъ прибрежныхъ тундръ огром-

ныя глыбы торфа, на которыхъ могли бы помѣститься десятки людей.—У айновъ, во время междоусобій, когда у кого-нибудь являлась экстренная необходимость уйти отъ преслѣдованій, существовалъ обычай, по которому преслѣдуемый безстрашно переносилъ свою семью вмѣстѣ съ лодкой на случайно плывущій мимо „новых“, укрѣплялъ на немъ священный шестъ съ заструженными языками и предавалъ свою судьбу произволу вѣтра или теченія.

Теперь, если принять во вниманіе, что вдоль обоихъ береговъ Сахалина и материковаго побережья проходятъ теченія съ сѣвера, теченія, несущія льдины почти до іюля мѣсяца, то можно съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ допустить, что легендарные *Новыхъ* могли служить тѣмъ естественнымъ путемъ, по которому отдѣльные искатели приключеній или изгнанники перемещались съ сѣвера на югъ, и далѣе, не трудно уже представить себѣ, какъ постепенно эти передвиженія достигли крайнихъ южныхъ предѣловъ нынѣшней гилацкой осѣдлости. Еще на нашихъ почти глазахъ, со временъ Миддендорфа, сѣверная граница постоянной осѣдлости гилаковъ спустилась съ устьевъ Тугура до устьевъ р. Коль.

Но не слѣдуетъ представлять себѣ, что переселеніе гилаковъ въ нынѣшнюю ихъ территорію—дѣло очень близкой намъ исторической эпохи. За послѣдніе 2½ вѣка мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія о неизмѣнности границъ гилацкой территоріи, а преданія гилаковъ объ островѣ и материковомъ побережьи рисуютъ это племя совершенно сроднившимся съ его нынѣшней родиной, а такое сродство у первобытныхъ народовъ совершается долгимъ процессомъ многихъ и многихъ вѣковъ, быть можетъ, тысячелѣтій.

Не могу при этомъ случаѣ не упомянуть про одинъ характерный фактъ, такъ или иначе характеризующій способы мышленія самихъ гилаковъ въ вопросѣ о родствѣ ихъ съ другими племенами.

Во время пребыванія моего въ 1893 г. въ селеніи Лянгръ на небольшомъ островкѣ, лежащемъ противъ материковаго побережья, я разговаривалъ съ однимъ старымъ гилакомъ, современникомъ Цевельскаго и Орлова, первыхъ дѣятелей въ низовьяхъ Амура. И не мало я былъ изумленъ, когда во время бесѣды, вспоминая

дѣятелей Русско-американской компаніи, которымъ мой собесѣдникъ въ свое время оказывалъ услуги, онъ вдругъ замѣтилъ: „Однако, я такъ думаю, что гиляки и алеуты одной породы“. Оказалось, что извѣстнаго моряка Орлова, служившаго въ Русско-американской компаніи, сопровождалъ алеутъ, съ которымъ моему гиляку приходилось помногу бесѣдовать; и вотъ, послѣ взаимныхъ разсказовъ объ обычаяхъ и образѣ жизни ихъ соплеменниковъ, между прочимъ о медвѣжьемъ праздникѣ, они оба вынесли заключеніе, что гиляки и алеуты—*к а л ь н я х ѣ* (одинъ народъ). Конечно, подобныя примитивныя заключенія самі по себѣ не могутъ имѣть большого значенія для разрѣшенія вопроса, но, въ связи съ другими соображеніями объ арктическомъ происхожденіи гиляковъ, это наивное свидѣтельство гиляка является, во всякомъ случаѣ, характернымъ.

Такимъ образомъ языкъ, археологическія данныя, переживанія въ особенностяхъ быта, преданія, даютъ возможность нѣсколько приподнять завѣсу далекаго прошлаго гиляцкаго племени. Зато чисто антропологическія данныя не могутъ играть никакой роли въ интересующемъ насъ вопросѣ. Въ антропологическомъ отношеніи гиляки меньше всего представляютъ что-либо оригинальное. Специфическаго типа гиляцкаго не существуетъ. Средній типъ гиляка представляетъ въ настоящее время комплексъ обыкновенныхъ, хотя нѣсколько смягченныхъ монгольскихъ чертъ съ отклоненіемъ, съ одной стороны, къ тунгусскому, съ другой—къ аинскому типу. Въ аинскомъ типѣ, какъ еще замѣтилъ Шренкъ, лицо болѣе или менѣе овальное, лобъ прямой, скуластость умеренная, косоглазіе очень незначительное, или совсѣмъ отсутствуетъ, носъ болѣе или менѣе длинный, спинка носа съ выгибомъ, растительность на лицѣ обильная. Въ тунгусскомъ типѣ, наоборотъ, монгольскія черты выражены въ полной рѣзкости. Въ женскихъ типахъ тунгусскія черты преобладаютъ. Вотъ все, что даютъ намъ наблюденія надъ физическими особенностями гиляка. Между тѣмъ другіе факты и соображенія даютъ намъ полное основаніе думать, что древній типъ гиляка окончательно погибъ, потонувъ въ болѣе сплывшихъ пѣдрахъ соседнихъ племенъ. Но это произошло не совсѣмъ обычнымъ путемъ, не путемъ постепенной метисизаціи съ соседними племенами посредствомъ междуплеменныхъ браковъ, что было бы совсѣмъ

не такъ удивительно, а совершенно особеннымъ, крайне поучительнымъ образомъ.

Переписывая гиляковъ, я тщательно собиралъ свѣдѣнія и преданія о происхожденіи каждаго рода въ отдѣльности. Изученіе этихъ данныхъ привело меня къ странному выводу, что основателями громаднаго большинства нынѣ существующихъ родовъ были не гиляки, а представители сосѣднихъ племенъ. Какъ это могло произойти? Это обычное явленіе и теперь, что отдѣльныя личности по тѣмъ или другимъ причинамъ покидаютъ свое родное племя и, убѣгая отъ преслѣдованій или неудачъ на родинѣ, ищутъ убѣжища среди сосѣдняго чуждаго племени... Здѣсь они находятъ традиціонное гостепріимство, осѣдаютъ, женятся (обыкновенно на вдовѣ) и этимъ самымъ адаптируются въ тотъ или иной родъ, принимая, естественно, языкъ и обычаи пріютившаго ихъ племени. Потомство этихъ пришельцевъ образуетъ обыкновенно либо самостоятельные роды, либо особые вѣтви принявшихъ ихъ родовъ. И вотъ исторія гиляцкихъ родовъ показываетъ, что эти роды пришельцевъ или вѣтви родовъ, основанныхъ ими, съ теченіемъ времени, неизмѣнно увеличивались въ своемъ составѣ и стойко выживали, между тѣмъ какъ старые роды или старѣйшія вѣтви рода хирѣли и въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній вымирали. Самые сочные, цвѣтущіе и многочисленные роды—потомки именно пришельцевъ. Лежитъ ли тутъ причина въ томъ, что пришельцы и изгнанники представляютъ естественный подборъ исключительно энергичныхъ и жизнеспособныхъ индивидовъ, или это результатъ скрещиванія, но фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію; я встрѣчался съ нимъ не у однихъ гиляковъ.

И въ результатѣ переписи гиляковъ я съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: если на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ неизмѣнно происходилъ притокъ свѣжихъ иноплеменныхъ элементовъ, притокъ, усугубленный покупкой женъ и невольницъ у айновъ и голдовъ, и если, при этомъ, пришельцы плодились и размножались, а коренные вырождались и вымирали, то что же осталось отъ коренного типа первоначальнаго гиляцкаго племени? Да, этотъ первоначальный типъ исчезъ безвозвратно. Тѣло гиляцкаго племени умерло навсегда, но духъ его живъ, живъ въ его языкѣ, языкѣ, который, какъ мы сказали, стоитъ совершенно одиноко среди сойма языковъ азіатскаго материка, и въ его своеобразныхъ